

сказка О молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде — вариант 8

Один царь очень устарел и глазами обнищал, а слышал он, что за девять девяти, в десятом царстве, есть сад с молодильными яблоками, а в нём колодец с живою водою: если съест старику это яблоко, то он помолодеет, а водой этой помазать глаза слепцу — он будет видеть. У царя этого было три сына. Вот он посылает старшего на коне верхом в этот сад за яблоком и водой: царю хочется и молодым быть и видеть. Сын сел на коня и отправился в далёко царство; ехал, ехал, приехал к одному столбу; на этом столбе написано три дороги: первая для коня сытна, а самому голодна, вторая — не быть самому живому, а третья коню голодна, самому сытна.

Вот он подумал-подумал и поехал по сытной для себя дороге; ехал, ехал, увидел в поле хороший-расхороший дом. Он подъехал к нему, поглядел-поглядел, растворил ворота, шапки не ломал, головы не склонял, на двор вскакал. Хозяйка этого двора, баба-вдова не больно стара, молодца к себе звала: «Добро пожалуй, гость дорогой!» В избу его ввела, за стол посадила, всякого яства накрошила и питья медового превдоловь натащила. Вот молодец нагулялся и свалился спать на лавке. Хозяйка ему говорит:

— Не честь молодцу, не хвала удальцу ложиться одному! Ляжь с моею дочкою, прекрасною Дунею.

Он тому и рад. Дуня говорит ему:

— Ляжь ко мне плотней, будет нам теплей!

Он двинулся к ней и провалился сквозь кровать: там его заставили молоты сырой ржи, а вылезть оттуда не могли! Отец старшего сына ждал, ждал и ожиданье потерял.

Царь второго сына отправил, чтоб яблоко и воды ему доставил. Он держал тот же путь и напал на ту же участь, как и старший его брат. От долгого жданья сыновьев царь больно-больно загоревался.

Младший сын начал просить у отца позволенья ехать в тот сад; а отец ни за что не хочет его отпустить и говорит ему:

— Горе тебе, сынок! Когда старшие братья пропали, а ты молод, как вьюноша, ты скорее их пропадёшь.

Но он уполяет, отцу обещает, что он постарается для отца лучше всякого молодца. Отец думал, думал и благословил его на ту же дорогу. На пути до вдовина дома с ним случилось всё то же, что и с старшими братьями.

Подъехал он ко двору вдовину, слез с коня, постучал у ворот и спросился ночевать. Хозяйка обрадовалась ему, как и этим, просит его:

— Добро пожалуй, гость наш нежданный!

Посадила его за стол, наставила всякого яства и питья, хоть завались! Вот он понаелся, хотел ложиться на лавке. Хозяйка и говорит:

— Не честь молодцу, не хвала удалцу ложиться одному! Ляжь с моей прекрасною Дунею.

А он говорит:

— Нет тётушка! Проезжему человеку не годится так, а надо в головы кулак, а под бок так. Если бы ты, тётушка, баньку мне истопила и с твоей дочерью в неё пустила.

Вот вдова баню жарко-разжарко натопила и его с прекрасною Дунею туда проводила. Дуня такая же, как мать, злосидна была, ввела его вперёд и дверь в бане заперла, а сама в сенях покуда стала. Но молодец-удалец оттолкнул дверь и Дуню туда впер. У него было три прута: один железный, другой свинцовый, а третий чугунный, и начал этими прутьями Дуню хвостать. Она кричит, умоляет его, а он говорит:

— Скажи, злая Дунька, куда девала моих братьев?

Она сказала, что у них в подполье мелют сырую рожь. Он пустил её. Пришли в избу, навязали лестницу на лестницу и братьев оттуда вывели. Он их пустил домой; но им стыдно к отцу появиться — оттого, что с Дуней ложились и к черту не годились, и пошли они бродяжничать по полям и по лесам.

А молодец поехал дальше, ехал, ехал, подъехал к одному двору, вошёл в избу: там сидит красна девица, ткёт утки. Он сказал:

— Бог помочь тебе, красная девица!

А она ему:

— Спасибо! Что, добрый молодец, от дела лытаешь или дело пытаешь?

— Дело пытаю, красна девица! — сказал молодец. — Я еду за девять девяти, в десятое царство, в сад — за молодильными яблоками и за живой водой для своего старого и слепого батюшки.

Она ему сказала:

— Ну, мудро тебе, мудро-мудро добратся до этого сада; однако поезжай, на дороге живёт другая моя сестра, заезжай к ней: она лучше меня знает и тебя научит, что делать.

Вот он ехал, ехал до другой сестры, доехал; так же, как и с первой, поздоровался, рассказал ей об себе и куда едет. Она велела ему оставить своего коня у ней, а на её двукрылом коне ехать к её старшей сестре, которая научит, что делать: как побывать в саду и достать яблоко и воды. Вот он ехал, ехал, приехал к третьей сестре. Эта дала ему своего коня об четырёх крыльях и приказала:

— Смотри, в этом саду живёт наша тётка, страшная ведьма; коли подъедешь к саду, не жалея моего коня, погоняй хорошенько, чтоб он сразу перелетел через стену; а если зацепит за стену — на стене наведены струны с колокольчиками, струны заструнят, колокольчики зазвенят, она проснётся, и ты от неё тогда не уедешь! У неё есть конь о шести крыльях; ты тому коню у крыльев подрежь жилки, чтоб она нём тебя не догнала.

Он всё так и сделал. Полетел через стену на своём коне, и конь хвостом зацепил не дюже за струну; струны заструнили, колокольчики зазвенели, но тихо: ведьма проснулась, да не разобрала хорошо голоса струн и колокольчиков, опять зевнула и уснула. А молодец-удалец с молодильным яблоком и живой водою ускакал; заезжая к сёстрам, коней у них переменял и на своём опять примчался в свою землю. Поутру рано страшная ведьма заметила, что в саду у неё украдено яблоко и вода; она тут же села на своего шестикрылого коня, доскакала до первой племянницы, спрашивает её:

— Не проезжал ли тут кто?

Племянница сказала:

— Проехал молодец-удалец, да уж давно!

Она поскакала дальше, спрашивает у другой и у третьей; те то же ей сказали. Она ещё поскакала и чуть-чуть не догнала, но уж молодец-удалец на свою землю пробрался и её не опасался: сюда она скакать не смела, только на него посмотрела, от злости захрипела и так ему запела:

— Ну, хорош ты, вор-воришка! Хороша твоя успешка! От меня успел ты ускакать, зато от братьев тебе непременно пропасть!

Так ему наворожила и домой поворотила.

Удалец наш приезжает в свою землю, видит — братья его, бродяги, в поле спят. Он пустил своего коня, не стал их будить, сам лёг около и уснул. Братья проснулись, увидали, что брат их воротился в свою землю, легонько вынули у него сонного из пазухи молодильное яблоко, а его взяли да и бросили в пропасть. Он летел туда три дня, упал в подземельное темное царство, где люди всё делают с огнём. Вот он куда ни пойдёт — все люди такие кручинные и плачут. Он спрашивает об их кручине. Ему сказали, что у царя их одна и есть дочь — прекрасная царица Полюша, и её-то поведут завтра к змею на съедение; в этом царстве каждый месяц дают семиглавому змею по девице, так уж и ведётся очередь девицам — уж такой у них закон! Ныне наступила очередь до царской дочери. Вот наш молодец узнал хорошенько об этом и пошёл прямо к царю, говорит ему:

— Я спасу, царь, твою дочь от змея, только ты сам сделай мне то, о чём буду тебя после просить.

Царь обрадовался, обещал всё для него сделать и выдать за него замуж свою

дочь.

Вот пришёл тот день: повели прекрасную царевну Полюшу к морю, в трёхстенную крепость, а с нею пошёл удалец. Он взял с собою железную палку в пять пудов. Остались там двое с царевной ждать змея; ждали, ждали, кой о чём покуда погутарили. Он ей рассказал о своём походе и что у него есть живая вода. Вот молодец сказал прекрасной царевне Полюше: — Поищи покуда у меня в голове вши, а коли я усну и прилетит змей, то буди меня моей палкою, а так меня не добудишься! — и лёг к ней на колени. Она стала искать у него в голове; он уснул. Прилетел змей, начал виться над царевною. Она стала будить молодца, толкать его руками, а палкой ударить (как он велел) ей жалко; не добудилась и заплакала; слеза её капнула ему на лицо — он проснулся и вскрикнул:

— О, как ты меня чем-то гойно обожгла!

А змей стал уже спускаться на них.

Молодец взял свою пятипудовую палку, махнул ею — и вдруг отшиб змею пять голов, в другой махнул наотмашь — и отшиб две последние; собрал все эти головы, положил их под стену, а туловище бросил в море.

Но какой-то баловня-детина видел всё это и легонечко из-за стены подкрался, отсек молодцу голову и бросил его в море, а прекрасной царевне Полюше велел сказать отцу её, царю, что он её устерёг, а если она так не скажет, то он её задушит. Делать нечего, Полюша поплакала-поплакала, и пошли они к отцу, царю. Царь их встретил. Она ему сказала, что этот детина её уберёг. Царь невесть как рад, тут же начал собирать свадьбу. Гости наехали из иных земель: цари, короли да принцы, все пьют, гуляют и веселятся; одна царевна кручинна, зайдёт где под сараем в уголок и заливается там горючими слезами о своём молодце-удальце.

Вот и вздумала она просить своего батюшку, чтоб он послал ловить в море рыбу, и сама она пошла с рыболовами к морю; затянули невод, вытащили рыбы и бознать сколько! Она поглядела и сказала:

— Нет, это не моя рыба!

Затянули в другой, вытащили голову и туловище молодца-удальца. Полюша скорей подбежала к нему, нашла у него в пазухе пузырёк с живой водой, приставила к туловищу голову, примочила водой из пузырька — он и оживел. Она ему рассказала, как её хочет взять постылый для неё детина. Удалец утешил её и велел идти домой, а он сам придёт и знает что делать.

Вот пришёл удалец в царску палату, там все гости пьяные — играют да пляшут. Он сказался, что умеет играть песни на разные голоса. Ему все рады, заставили играть. Он заиграл им прежде весёлую какую-то, прибасную — гости так и растаяли, что больно гойно играет, дружка дружке расхвалили его; а там он заиграл кручинную такую, что все гости заплакали. Вот удалец

спросил царя, кто уберёт его дочь? Царь сказал, что этот детина.

— Ну-ка, царь, пойдём к той крепости и со всеми гостями твоими; коли он достанет там змеиные головы, так я поверю, что он спас царевну Полюшу. Пришли все к крепости. Детина тянул, тянул и ни одной головы не вытянул, больно ему не под мочь. А молодец лишь взялся — и вытянул. Тут и царевна рассказала всю правду, кто её устерёт. Все признали, что удалец устерёт царёву дочь, а детину привязали коню за хвост и размыкали по полю. Царю хочется, чтоб молодец-удалец женился на его дочери; но удалец говорит:

— Нет, царь, мне ничего не надо, а только вынеси меня на наш белый свет: я ещё не dokonчил свой ответ батюшке, он меня теперь с живою водой ждёт — ведь он слепым живёт.

Царь не может пригадать, как его на белый свет поднять; а дочь не хочет расстаться — захотела с ним подняться, говорит своему отцу, что у них есть птица-колпалица.

Вот Полюша велела для птицы-колпалицы целого быка убить и с собой запастись. Потом простились с подземельным царём, сели птице на хребет и понеслись на божий белый свет. Где больше птицу кормят, там она резче в вершки с ними поднималась; вот всего быка птице и stravили. Делать нечего, боятся, чтоб она не опустила их опять вниз. Полюша взяла отрезала у себя кусок ляхи и птице отдала; а та их как раз на этот свет подняла и сказала: — Ну, всю дорогу вы меня хорошо кормили, но слаще последнего кусочка я отродясь не едала!

Полюша ей свою ляху развернула, птица ахнула и рыгнула: кусок ещё цел. Молодец опять приставил его к ляхе, живой водицей примочил — и царевне ляху исцелил.

Тут пошли они домой. Отец, нашенский царь, их встретил, обрадовался невесть как! Удалец видит, что отец его от того яблока помолодел, но всё ещё слеп. Он тотчас помазал ему глаза живой водой. Царь стал видеть; тут он расцеловал своего сына-удальца и его невесту из тёмного царства. Удалец рассказал, как братья унесли у него яблоко и бросили его в подземелье. Братья так испугались — ино в реку покидались! А удалец на той царевне Полюше женился и раздиковинную пирушку сделал; я там обедал, мёд пил, а уж какая у них капуста — ино теперь в роте пусто!